

УДК 340.114.5

ПРАВОВОЕ ЛИЦЕМЕРИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ломова Е.С.

АНО ВПО «Московский гуманитарно-экономический институт» (Северный филиал), г. Коряжма, Архангельская область, Россия (165651, ул. Космонавтов, 8), e-mail: director@nmgei.atnet.ru

В статье анализируются вопросы сущности правового лицемерия, связь правового лицемерия с формальным отношением к праву, злоупотреблением правом, правовым бездействием. Рассматриваются возможные проявления правового лицемерия в системе презумпции добросовестности родителей и гарантий конституционных прав детей на необходимую заботу со стороны родителей в вопросах обеспечения жильем. В статье дается определение правового лицемерия, как негативного в социально-правовом плане, сознательно-волевого, осознанного поведения субъекта правового общения, выражающееся в осуществлении имеющихся правомочий вопреки интересам других лиц, но осуществляемое и в формально правомерных рамках. Рассматриваются возможные проявления правового лицемерия в системе презумпции добросовестности родителей и гарантий конституционных прав детей на необходимую заботу со стороны родителей в вопросах обеспечения жильем.

Ключевые слова: Лицемерие, правовое лицемерие, формальное отношение к праву, дух закона, буква закона, злоупотребление правом, формальное отношение к букве закона, правовая культура, правосознание общества, субъект права, правовое бездействие.

LEGAL HYPOCRISY AS A FACT OF LEGAL REALITY

Lomova E.S.

Moscow Humanitarian-Economic Institute (North Branch), Koryazhma, Archangelsk region, Russia (165651), Kosmonavtov str. 8, e-mail: director@nmgei.atnet.ru

The article analyzes the nature of the legal issues hypocrisy. The article analyzes legal hypocrisy, formal attitude to law, abuse of law and legal passivity. The possible manifestation of the hypocrisy of the legal system of a presumption of good faith parents and the guarantee of constitutional rights of children to heeded care by parents of housing issues. The article defines legal hypocrisy as negative and conscions behavior of a subject of legal communication which is expressed in implementation of entitlements despite interests of other subjects. This behavior is implemented in formally legal framework. The article analyzes legal hypocrisy, formal attitude to law, abuse of law and legal passivity. The possible manifestation of the hypocrisy of the legal system of a presumption of good faith parents and the guarantee of constitutional rights of children to heeded care by parents of housing issues.

Keywords: Hypocrisy, legal hypocrisy, the formal relation to the right, the spirit of the law, the letter of the law, abuse of right, the formal letter of the law relating to, legal culture, justice of the society, subject of the law, legal passivity.

Введение

Господствующие в каждую данную эпоху нравственные представления подчиняют себе в общем и правовые определения, а эти последние отражаются неизбежно и на нравственных представлениях[10, 218].

Правовое лицемерие, как явление правовой реальности, предопределяет собой научную задачу его анализа, определив сущность и место этого явления в системе юридического знания. Понятие правового лицемерия не является широко употребляемым современной юридической наукой, однако предпосылки и причины его применения существуют.

В этимологическом аспекте «лицемер» - «меняющий лица, двуличный» есть понятие противоположное понятию «искренний». Лицемерие - несоответствие слов, поступков человека истинным чувствам, убеждениям, намерениям, иначе притворство. В общем плане лицемерие представляет собой поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью [6,280]. В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля слово «лицемер» отождествляется со словом лицепрятие – человекоугодье, пристрастье, предпочтенье одного лица другому, не по достоинству, а по личным отношениям. Лицеприятствовать - быть пристрастным, лицеприятным, творить неправду, угождать лицу. Лицемерить – принимать на себя личину, быть двуличным. Лицемерный – притворный, где зло скрывается под личиною добра, порок под видом добродетели.[3, 259]. Лицемерие (ниф́ак) в арабском языке означает «противоречие внутреннего внешнему». Таким образом, лицемерие есть двуличие, то есть прикрытие добропорядочной формой негативного содержания.

В правовом контексте лицемерие достаточно сопряжено с негативными явлениями злоупотребления правом, формальным отношением к букве закона [5,60], а также с правовым бездействием в двух формах: правовой пассивности субъекта права и бездействии законов.

Злоупотребление правом представляет собой поведение субъекта формально не противоречащее нормам права, но наносящее ущерб интересам других лиц, причём причины такого поведения субъективны и не могут быть признаны уважительными.

При формальном отношении к букве закона происходит искажение истинных мотивов и целей правового регулирования посредством его рассмотрения в сугубо буквальном понимании без учета общепризнанных принципов права и общепринятых приемов толкования, таких как филологическое, логическое, систематическое, историко-политическое, специально-юридическое, телеологическое, функциональное.

Правовое бездействие – это юридически значимая форма поведения личности в обществе, выражающая степень участия субъектов в системе правового регулирования. В контексте правового лицемерия можно говорить об аспектах правопассивности субъектов права, когда правовое бездействие представляет повышенную общественную опасность, поскольку пассивное состояние лица не всегда можно рассматривать как нечто негативное, преступное, противоправное. В правоведении термин «бездействие» употребляется как для характеристики поведения субъектов права, так и в значении бездействия законов. Довольно часто пассивность чиновников, должностных лиц проявляется в неприменении действующих законов, иных нормативно-правовых актов под различными предлогами – нецелесообразность, отсутствие механизма их реализации и т.д.[1,92].

Таким образом, можно полагать, что правовое лицемерие представляет собой негативное, в социально-правовом плане, сознательно-волевое, осознанное поведение субъекта правового общения, выражающееся в осуществлении имеющихся правомочий вопреки интересам других лиц, но осуществляемое в формально правомерных рамках. При этом с точки зрения духа права такие рамки правомерными не могут быть признаны.

Важно отметить, что с точки зрения права правовое лицемерие может быть необнаруженным, поскольку «с правовой точки зрения безразлично, какими мотивами руководствовался человек в конкретном случае, если его поведение по своим результатам является правомерным, законным» [4,271]. Другой подход принят моралью. Мораль всегда изобличает истинные мотивы, стимулы и предпочтения «человека в его выборе определённого варианта поведения, которое внешне является правомерным и нравственным» [4,271]. Правовые и нравственные регуляторы... Таким образом «правомерное и законное» поведение субъекта правового общения не является тождественным «правомерному и нравственному» поведению.

Причины указанных проявлений правового лицемерия кроются в качественном состоянии элементов правовой культуры, в частности, в уровне правосознания общества, отдельной личности и правоприменителя, что предопределяет подходы к правопониманию и правореализации. Соответственно, низкое состояние названных элементов является одной из причин возникновения правового лицемерия, которое, как правило, с точки зрения адресатов (субъектов) права выражается в злоупотреблении правовым потенциалом, правопассивным игнорированием правовых норм, а в отношении правоприменителя проявляется как формальное отношение к букве закона, в неприменении действующих законов под благовидными предлогами. Складывающийся таким образом правопорядок обуславливает потерю ценности правового регулирования.

Наличие правового лицемерия в правосознании общества не позволяет говорить о соблюдении общеправового режима законности, заключающегося в неукоснительном соблюдении всеми участниками юридических отношений норм права, понимаемых как отражения духа права в его букве.

Таким образом, режим законности теряет свое содержание именно при излишней приверженности к букве закона, когда, бывают случаи, - напрямую высказывается соответствующий лозунг: «мы юристы – формалисты». При этом дух закона остается «забытым», что значительно снижает ценность права, как эффективного и справедливого регулятора общественных отношений.

Правовое лицемерие в российском обществе приобретает достаточно широкие масштабы, оно многоаспектно. В частности, правовое лицемерие в виде формального

отношения к букве закона, как отражение и проявление состояния нашей правоприменительной системы, довольно часто является предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации, который зачастую устанавливает конституционно-правовой смысл анализируемых норм, на основе применения общеправовых принципов с учетом исторического состояния элементов правовой культуры общества и государства.

Нередко и сам закон создает предпосылки к проявлению формализма при правоприменении [9,33]. В качестве наглядного примера можно назвать проблему, рассмотренную Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 8 июня 2010 года № 13-П[7].

Основанием (проблемой конституционности) в данном случае явилось решение законодателя трансформировать механизм государственной охраны жилищных прав несовершеннолетних, предоставив большее доверие родителям при сделках с жильем, исходя из действия презумпции их добросовестности.

Так, Федеральным законом от 30 декабря 2004 года № 213-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»[8] пункт 4 статьи 292 ГК РФ[2], предусматривавший общую обязанность собственников получать согласие органов опеки и попечительства при отчуждении жилья, где проживают несовершеннолетние, был изменен. И в настоящее время предусматривает, что отчуждение жилого помещения, в котором проживают находящиеся под опекой или попечительством члены семьи собственника данного жилого помещения, либо оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника (о чем известно органу опеки и попечительства), если при этом затрагиваются права или охраняемые законом интересы указанных лиц, допускается с согласия органа опеки и попечительства.

Таким образом, в настоящее время Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает обязанность превентивной государственной охраны жилищных прав детей (контрольно-разрешительный механизм) только в отношении двух категорий несовершеннолетних: оставшихся без родительского попечения несовершеннолетних членов семьи собственника, находящихся под опекой или попечительством (пункт 4 статьи 292) и несовершеннолетних, являющихся собственниками жилья (пункт 1 статьи 28; пункт 2 статьи 37).

При решении же вопроса о законности сделок с жильем, нарушающим интересы ребенка, правоприменительная (судебная) практика пошла по формальному пути понимания соответствующих изменений. Так, категория «оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника» рассматривалась как формальное, а не

реальное состояние. Таким образом, при проверке законности таких сделок, правоприменитель в качестве значимо-правовых обстоятельств определял лишь, закреплен ли за ребенком соответствующий правовой статус и, соответственно, не входил в вопрос реального отсутствия родительской заботы, когда она формально существовала, а фактически отсутствовала.

Проверяя конституционность указанного положения пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации, Конституционный Суд в Постановлении от 8 июня 2010 года № 13-П, признал его неконституционным в том значении, когда предусмотренное им регулирование, не закрепляя гарантий детей от недобросовестности со стороны родителей, нарушает жилищные права и законные интересы несовершеннолетних, в силу невозможности обеспечивать эффективную государственную, в том числе судебную, защиту прав тех несовершеннолетних, кто формально не отнесен к находящимся под опекой или попечительством или к оставшимся (по данным органа опеки и попечительства на момент совершения сделки) без родительского попечения, но либо фактически лишен его на момент совершения сделки по отчуждению жилого помещения, либо считается находящимся на попечении родителей, при том, однако, что такая сделка - вопреки установленным законом обязанностям родителей - нарушает права и охраняемые законом интересы несовершеннолетнего.

Таким образом, указанным Постановлением определён (поставлен на вид) правовой механизм реализации конституционных прав детей на жилище и на должную заботу, как со стороны родителей, так и со стороны государства, а именно:

- правоприменитель не вправе формально оценивать ситуацию с наличием или отсутствием родительской заботы, поэтому каждый случай нарушения прав ребенка должен разрешаться судами исходя из того – соблюден ли баланс между интересами родителя и детей, и если этот баланс нарушен не в пользу ребенка, то суд правомочен применить праввосстановительные или компенсаторные механизмы.
- в случаях, когда ребёнок формально находится на родительском попечении, а реально (фактически) лишён его, органы опеки и попечительства обязаны определить его правовой статус, как ребёнка, оставшегося без попечения родителей, что является ограничением осуществления сделок с жильём, где проживает такой несовершеннолетний, о чем извещаются соответствующие регистрирующие органы. Если же органы опеки и попечительства по каким-либо причинам не осуществили эту обязанность, то правоущемляющие для детей условия такой сделки являются основанием признания её незаконной в судебном порядке, в том числе, и по основаниям несоблюдения разрешительного порядка отчуждения жилья.

Иными словами, статус детей, оставшихся без родительского попечения, являясь их правовым положением, в конкретных случаях может быть признан фактическим (реальным), а не сугубо правовым (формальным) состоянием, на что должен указать правоприменитель, тем самым, распространив на такого несовершеннолетнего гарантии пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации: как в перспективном плане - органами опеки и попечительства, так и в ретроспективном порядке - судами в случае нарушения жилищных прав несовершеннолетних.

В рассмотренном случае Конституционный Суд в очередной раз снял социальную напряженность, связанную с формальным пониманием правоприменителем положений действующего законодательства. В этом видится один из основных векторов действия решений Конституционного Суда, который, как орган конституционного контроля, вносит неоценимый вклад в понимание и реализацию права.

Таким образом, формальное отношение правоприменителя к закону является формами проявления правового лицемерия в российской правовой системе.

При этом, как было уже замечено, правовое лицемерие, в виде формального отношения к букве закона, злоупотребления правом, правопассивности, а также некоторых иных формах приобретает в современной правовой действительности достаточно широкие масштабы. Однако в юридической науке наблюдается определенная недостаточность изучения вопросов правового лицемерия, как комплексного социально-правового явления. Восполнение существующего пробела требует изучения, анализа и обобщения имеющихся научных материалов, формулирования понятия правового лицемерия, установления связи категории правового лицемерия с другими категориями общей теории права, определения места и роли правового лицемерия в системе правового регулирования, выявления признаков правового лицемерия, построения его модели, определения состава правового лицемерия, определения оснований его классификации, выделения форм правового лицемерия. Необходим комплексный анализ нормативно-правового и социально-психологического механизмов лицемерного отношения к праву, выработки практических рекомендаций по предотвращению правового лицемерия, как деструктивного начала правового регулирования, и обеспечения соблюдения общеправового режима законности, заключающегося в неукоснительном выполнении всеми участниками юридических отношений норм правового закона.

Как известно содержание правосознания обусловлено его оценочным характером. Каждый субъект вырабатывает своё отношение к праву и государственно-правовой деятельности.

Человек выбирает наиболее целесообразный и практически оправданный вариант поведения, он действует избирательно. Быстро привыкает повторять именно те действия, за которыми следует устаивающий его результат, и не склонен к действиям, которые не ведут к удовлетворяющим его последствиям. Привычка возникает в результате многократного повторения действий, совершаемых в уже привычной, известной обстановке. В этих условиях лишь в начале человек обдумывает свои поступки, а в дальнейшем он действует в силу образовавшейся привычки вести себя так, а не иначе. К сожалению, следует констатировать о тенденции формирования негативных правовых привычек, и на первом плане в их черед – правовое лицемерие.

Между тем правомерное поведение - это усвоение личностью и воспроизведение ею в своём деянии всех социальных норм общества, сознательное, волевое поведение, направленное на достижение личного или общественного блага[4,447]. Цивилизованное правомерное поведение - это следование субъекта права нормативным требованиям на основе убеждённости в нравственно-этическом приоритете общечеловеческих догм – не укради, не убий, не обмани. Его содержание зависит и оттого, в какой мере человек следует писаным и неписаным правилам, насколько является активным носителем гражданских обязанностей, разделяет и поддерживает общественные представления о добре и зле, справедливости и долге.

Правомерное поведение проявляется в общественной жизни весьма многообразно. Действия, соответствующие правовым предписаниям, могут быть классифицированы по многим признакам и критериям. Одним из таких признаков может быть соответствие конкретного поведения нравственному идеалу, представлению о должном образце поведения в обществе. Видный русский юрист С.А. Муромцев различал поведение «идеально правомерное», как действие, совершённое «искренним образом», и «внешне правомерное поведение, принуждаемое правом». Развивая эту мысль в контексте правового лицемерия можно говорить о внешне лицемерно - правомерном поведении, опирающемся на право. Следовательно, можно рассматривать правовое лицемерие, появившееся в XX, XXI веках, как ещё одну форму правового поведения.

Список литературы

1. Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм в современном российском обществе на рубеже веков / под ред. С.А. Комарова. - СПб.: Издательство Юридического института. -2004.-155с.
2. ГК РФ // СЗ РФ.- 1994. - № 32.- Ст. 3301.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т.-М.: Рус.яз.,1998. - Т. 2. - 1998.- 779 с.
4. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учеб. – 8-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство Юридического института, - 2012.- 608с.
5. Ломова Е. С., Цвиль В. С. Правовое лицемерие в контексте презумпции добросовестности родителей и прав детей на жилище // Юридическая мысль. 2012.- № 3 (71). - С. 60-64.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд. М.: Рус. яз. - 1988.- 900 с.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2010 года № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. - 2010.- № 5.
8. Федеральный закон от 30 декабря 2004 года № 213-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» пункт 4 статьи 292 ГК РФ // СЗ РФ.- 2005.- № 1 (ч. 1). - Ст. 39.
9. Цвиль В. С. Презумпция добросовестности родителей в системе гарантий конституционных прав детей // Право и государство: теория и практика. 2010. № 11 (71). С. 32-37; Цвиль В. С. Презумпция добросовестности осуществления прав и свобод в системе конституционной обязанности родительской заботы и прав детей на жилище // Интеграция науки, образования и техники в интересах развития регионов России: материалы научно-практической конференции. Москва-Коряжма, СФ МГЭИ,- 2011. - С. 69-77.
10. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 11-е стереотипное издание до 33 тома под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я.Железнова, проф. М.М.Ковалевского, проф. С.А.Муромцева и проф. К.А.Тимирязева. Т.33. Редакция и экспедиция «Русского Библиографического Института Гранат, Москва. Тверской бульвар, 25.1933.- 687 с. (прим. Настоящий том, первоначально вышедший в 1915 г., печатается повторно, в общем без изменений, по матрицам).

Рецензенты:

Демичев А.А., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой АНО ВПО Московский гуманитарно-экономический институт (Нижегородский филиал), г.Нижний Новгород.

Пономарёв В.В., д.ю.н., профессор, директор Московский гуманитарно-экономический институт (Новороссийский филиал), г.Нижний Новгород.